

Тамбиянц Юлиан Григорьевич

доктор философских наук, профессор
кафедры социологии и культурологии
Кубанского государственного аграрного
университета имени И.Т. Трубилина

Шалин Виктор Викторович

доктор философских наук, профессор,
заведующий кафедрой социологии
и культурологии Кубанского государственного
аграрного университета имени И.Т. Трубилина

**ФОРМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
ГОСУДАРСТВА И КАПИТАЛИЗМА:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ.
СТАТЬЯ ПЕРВАЯ**

Аннотация:

В статье рассматриваются формы взаимодействия государства и бизнеса в эпоху первоначального накопления капитала. Выдвигается тезис, согласно которому поддержка буржуазии государством далеко не всегда была классово обусловлена. В доиндустриальную эпоху усилия монархического государства в направлении экономического и политического развития работали на общественный интерес, формируя адекватные ответы на вызовы времени. В дальнейшем эволюция буржуазии как социальной группы приводит к образованию «класса для себя», с четко определенными интересами и групповой идеологией. Данная консолидация позволила крупным капиталистическим собственникам претендовать на политическую власть, итогом чего стало образование буржуазного государства, опирающегося в основном на республиканские институты. Ориентиры такого государства были направлены на всяческое содействие капиталистическому развитию, а уже формы его участия во многом определялись буржуазными лидерами. Главной целью служило капиталистическое развитие экономики, в то время как обострения социального вопроса воспринимались в качестве неизбежных издержек.

Ключевые слова:

капитализм, государство, группа буржуазии, эпоха первоначального накопления, противоречие индустриализма, фритредерство.

Tambiyants Yulian Grigorievich

D.Phil., Professor, Social and Cultural
Sciences Department,
Kuban State Agrarian University

Shalin Viktor Viktorovich

D.Phil., Professor, Head Chair, Social
and Cultural Sciences Department,
Kuban State Agrarian University

**MECHANISMS OF INTERACTION
BETWEEN THE STATE
AND CAPITALISM: HISTORY
AND MODERNITY (ARTICLE 1)**

Summary:

The paper discusses the forms of interaction between the state and business in the era of the initial accumulation of capital. The thesis is advanced that the support of the bourgeoisie by the state was far from always class-determined. In the pre-industrial era, the efforts of the monarchical state in the direction of economic and political development worked for the public interest, forming adequate answers to the challenges of the time. Subsequently, the evolution of the bourgeoisie as a social group leads to the formation of a “class for itself,” with clearly defined interests and group ideology. This consolidation allowed large capitalist owners to claim political power, the result of which was the formation of a bourgeois state, based mainly on republican institutions. The guidelines of such a state were aimed at all kinds of assistance to capitalist development, and the forms of its participation were largely determined by bourgeois leaders. The main goal was the capitalist development of the economy, while exacerbations of the social issue were perceived as inevitable costs.

Keywords:

capitalism, the state, a group of the bourgeoisie, the era of initial accumulation, the contradiction of industrialism, free trade.

Многочисленные работы, посвященные анализу современности, пронизывает проблематика трансформации роли национального государства. Предлагаются весьма неоднозначные оценки этого процесса, но более пристальное внимание привлекает то обстоятельство, что среди исследователей нет единства по поводу того, каков характер упомянутых изменений государственных функций. Здесь большое значение имеет приверженность методологии анализа глобализации, задающая определенные рамки видения государственного влияния. Сторонники либерального подхода (А. Аппадураи, В. Иноземцев, Дж. Най, Дж. Розенау) в целом склонны констатировать снижение роли национальных правительств в контексте управленческих задач по отношению к организациям международного плана (ООН, НАТО, Международный суд и др.). Несколько в ином ключе оценивают роль государства в глобальных условиях ученые, берущие на вооружение марксистские объяснительные схемы (О. Арин, И. Валлерстайн, Б. Кагарлицкий, Д. Харви и др.). По их мнению, без государственной поддержки бизнес никогда не смог бы до-

биться столь впечатляющих успехов в виде глобальной капиталистической системы, в настоящий момент выступающей несомненным социальным фактом. А в силу этого к тезису о снижении государственной роли следует относиться весьма осторожно.

К подобным заключениям приходят и многие ученые, в гораздо меньшей степени связанные с марксистской методологией. Британский исследователь К. Крауч в книге с необычным названием «Странная не-смерть неолиберализма», характеризуя финансовый кризис 2008–2009 гг., который должен был окончательно дискредитировать и предать забвению неолиберальный проект, констатирует, что последний вышел из кризиса, будучи наделенным еще большей политической властью. К. Крауч видит причину в том, что сложился своеобразный «любовный треугольник» в виде рынка, государственных структур и крупных корпораций [1, с. 14].

Если обратить внимание на отечественную ситуацию, то здесь обнаруживается много моментов, которые фактически опровергают расхожий тезис апологетов глобализации о снижении роли современного государства. С одной стороны, Россия в постсоветский период явно усилила попытки интеграции в мировой рынок, более «открывшись» глобальным тенденциям. С другой стороны, динамика правительственных институтов вряд ли следовала в направлении функционального сокращения. Даже допустив некоторые демократические механизмы в политической жизни, российское государство берет их под жесткий контроль, обосновывая это концептом «суверенной демократии».

В связи с вышеизложенным представляется весьма актуальной проблематика уточнения места и роли современных государственных институтов в условиях усиливающейся глобализации. Поскольку последняя базируется на капиталистических принципах, целесообразно ставить вопрос о взаимодействии государственных и бизнес-структур. Будучи ограниченными рамками журнальной статьи, мы намерены сделать упор на исторических аспектах этого взаимодействия, чтобы по возможности выявить здесь определенную логику. Закономерно, что центральным объектом исследования будет выступать индустриальная эпоха, когда собственно предпринимательство вышло на первые роли, а капиталистический способ производства завоевал фактическое господство. Тем не менее корни этого взаимодействия тянутся к гораздо более ранним эпохам.

Собственно, оценочное определение статуса и роли государства в социально-экономических процессах во многом обусловлено изначальным видением сущности государства. Здесь мы выявляли ранее две позиции. Первая представлена главным образом работами марксистских исследователей, которые утверждают классовую природу государства, определяя его средством и орудием борьбы правящего класса. Вторая проводится в основном консервативной мыслью, утверждающей нацеленность государственных структур на решение общественных, надклассовых проблем. Мы со своей стороны обозначили некий компромисс между этими позициями, заявив о двойственной природе государства, которое в определенные моменты проявляет свою классовую, а в другие – надклассовую роль [2]. Представляется, что более подробный анализ взаимодействий государства и бизнеса позволит прояснить динамику подобных колебаний государства за последние два столетия.

Социальный философ Л. Гринин в качестве основного противоречия индустриальной эпохи считает антагонизм «между общественным характером производства, с одной стороны, и частным (корпоративным) способом присвоения благ, распоряжения капиталами и принятия важнейших экономических решений – с другой» [3, с. 77]. Упомянутый вызов общественному организму, как станет видно далее, не в последнюю очередь был предопределен деятельностью политических структур. Государственные институты не могли не играть значительной роли в диалектически связанных между собой вызовах и ответах индустриализирующегося социума. В ходе ускоряющейся социальной динамики прокрутка механизмов «вызов – ответ – новый вызов» происходит в более интенсивном темпе.

Индустриальная эпоха может быть разбита на три этапа, каждый из которых имеет свои особенности: период первоначального накопления (условно конец Средневековья – вторая половина XIX в.), время организованного капитализма (конец XIX – вторая половина XX в.), период глобального капитализма, продолжающийся по настоящее время. Уникальность каждого из перечисленных временных отрезков в значительной степени определяется спецификой комплексных вызовов и реакций (ответов) на них. В формировании последних, как мы покажем далее, государству отводилась одна из решающих ролей. В настоящей статье рассмотрим прежде всего эпоху первоначального накопления, когда во многом обозначились формы взаимодействия государственных и предпринимательских институтов. В следующей статье проследим развитие этих форм в условиях организованного и глобального капитализма, охватывая, по сути, весь XX век.

В. Зомбарт, наиболее комплексно представивший объективные причины капитализации западного общества, в числе основных называет роль государства [4]. Собственно, об этом же пи-

шут многие другие авторы: К. Маркс, Э. Хобсбаум, А. Шлезингер и др. Европейские правительства в своих политических решениях в целом давали развитию капиталистических отношений где основной, а где дополнительный толчок. Причем начало этих процессов одни авторы видят в эпохе Средневековья (А. де Бенуа), тогда как другие относят его еще ранее, в эпоху Древнего мира (Б. Кагарлицкий). Несомненно, проводившая политику централизации власть часто встречала противодействие со стороны старой аристократии. В подобной ситуации монархи находили внутреннего союзника в лице представителей третьего сословия, которое получало экономическую и политическую поддержку.

Для абсолютистского государства XVI–XVII вв. характерна политика меркантилизма в условиях, когда хозяйственное развитие имело место преимущественно в аграрной области. Суть меркантилизма сводится к стимулированию торговли и набирающей обороты промышленности. В итоге существенно возрастала роль экономики, которая не находилась едва ли не всецело под политическим контролем, как это было в Средние века. Финансовое состояние страны обеспечивалось налогами, размеры которых прямо зависели от хозяйственного развития. Одновременно значительно возрастало влияние экономики на политику. Внешние вызовы ставили новые политические задачи, где центральной проблемой стало реформирование армии, что в условиях так называемой «великой огнестрельной революции» [5] могло успешно состояться только при соответствующем ресурсном обеспечении. Требуемые условия предоставлялись только при содействии сильного государства, а его отсутствие в Речи Посполитой XVII в. привело в итоге к общей политической и военной деградации, закончившейся потерей национальной независимости. Обратный пример являет Франция XVII столетия в годы правления «короля-солнце» Людовика XIV, известного своим афоризмом «Государство – это я». Эта страна, во многом благодаря энергичной деятельности Ж.Б. Кольбера, успешная практика меркантилизма, не только превратилась в экономического лидера Европы, но и на какой-то момент стала внешнеполитическим гегемоном.

Весьма впечатляющий экономический рывок Европы вряд ли был бы возможен вне определенного социального контекста. Динамика социально-экономической жизни вела к ее усложнению, что ставило проблему ее регулирования. Для этого был необходим централизованный аппарат с внутренней структурной специализацией. По мысли Л. Гринина, здесь возникала двусторонняя зависимость. С одной стороны – необходимо было участие государства в регулировании хозяйства; речь идет о правовой базе, создании объектов инфраструктуры, ведении международной экономической политики. С другой стороны, только в подобных условиях машинного производства утверждался тип зрелого государства, т. е. формы политической организации, отделенной от населения, обладающей суверенностью, верховностью, легитимностью, реальностью власти в рамках определенной территории, развитым аппаратом принуждения и контроля, а также систематическим изменением отношений и норм [6, с. 253].

Тем самым параллельно экономическому развитию шло совершенствование политических структур. Как считает известный британский историк Э. Хобсбаум, функции либерального государства эпохи свободного рынка были намного шире декларируемых задач «ночного сторожа». Либерализм далеко не всегда и во всем враждебен бюрократизму. Как пишет упомянутый ученый, «наиболее простые функции либерального государства – эффективное обложение и сбор налогов чиновниками, находящимися на жалованье, или создание регулярной национальной сельской полиции, обо всем этом дореволюционные абсолютистские режимы и мечтать не могли» [7, с. 268].

Можно предположить, что основные государственные задачи менялись сообразно меняющейся внешней и внутренней ситуации. Вначале меркантилизм в эпоху первоначального накопления, затем наступил период относительного государственного невмешательства в хозяйственную жизнь, или политика фритредерства. Наконец, как ответ на регулярные экономические кризисы, связанные прежде всего с перепроизводством, государство присваивает себе функции ведущего экономического субъекта и главного распределителя, что было концептуально закреплено в кейнсианстве. Естественно, что подобная динамическая модель государства работала не всегда и везде.

Весьма наглядный анализ меняющейся государственной роли в процессах капитализации предлагается американским историком А. Шлезингером – младшим. Оказывается, что уже отцы-основатели США спорили о проблеме участия государства в экономической жизни. В ходе Войны за независимость и после нее обозначились позиции А. Гамильтона и Т. Джефферсона. Согласно А. Гамильтону, государство обязано оказывать максимальное содействие промышленному развитию, в силу чего предполагалась ставка на крупных собственников. При всем при этом А. Гамильтоном отрицалась полная свобода предпринимательства в силу наличия порочности человеческой природы. Характерные для американцев «живость ума и деловая предприимчивость, будучи направлены в нужное русло, пойдут им на пользу. Но, развиваясь бесконтрольно, те же свойства могут привести к пагубным последствиям» [8, с. 254].

Согласно позиции Т. Джефферсона, Америка представляет собой рай для мелких и средних фермерских хозяйств. Государству не следует особенно вмешиваться в естественность хозяйственных процессов, особенно перераспределением финансовых ресурсов в пользу индустрии и, соответственно, в ущерб аграрному сектору (чем занимался А. Гамильтон со своими сторонниками в бытность его министром финансов). Позиция Т. Джефферсона основывалась на факте отдаленности от народа структур центральной власти, в силу чего масштабное вмешательство последней в экономику не будет иметь особо конструктивных следствий.

В реальной практике американское государство предпочитало следовать гамильтоновской логике вплоть до середины XIX в., вызывая одобрение промышленников и возмущение сторонников Т. Джефферсона. Последние, ссылаясь на тезис о равноправии, считали, что помощь крупному капиталу со стороны государства явно опровергает этот принцип. Демократический активист У. Легетт указывал, что в рамках конкурентной борьбы государство держит сторону богатеев, в то время как бедняки не обладают никакими льготами и преимуществами, ратуя хотя бы за соблюдение «великого принципа равноправия». Фактически единственной значительной политической фигурой, стремящейся повернуть политику в русло общественных интересов, в США первой половины XIX в. был президент Э. Джексон.

Однако уже в 1860–70-е гг. ситуация изменяется. Крупные предприниматели перестали испытывать острую нужду в общественных ресурсах. Главные объекты промышленной инфраструктуры были созданы, капитал аккумулирован в достаточной степени. Теперь главная задача заключалась в стимулировании и рационализации вновь созданной индустрии. Вследствие этого частные компании стремятся избавиться от механизмов административного регулирования. Дополнительным фактором стимула свободного предпринимательства оказалась Война Севера и Юга, в результате которой были существенно ослаблены главные внутренние противники крупного бизнеса – южная рабовладельческая аристократия, а также «радикальные демократы». Последние основательно растратили силы в ходе многолетнего «крестового похода» против рабства и так и не смогли собраться на борьбу с усилившейся властью бизнесменов.

«В результате произошедших перемен класс капиталистов сумел определить условия дальнейшей экономической активности: протекционизм, “оздоровление” денежной системы, отказ от этатизма в экономике во всех его формах – от непосредственного регулирования до применения правительством налогового инструментария. Все это было похоронным звоном по гамильтоновской концепции экономического лидерства государства. Корпорация и предприниматель стали священными и неприкосновенными субъектами экономической деятельности» [9, с. 257].

Возведение принципа минимального государства (*laissez-faire*) в статус официальной доктрины, однако, вовсе не исключало отдельных шагов помощи государства предпринимателям. Отрицалось лишь «государственное вмешательство», однако оставалась и процветала система протекционистских тарифов, независимые суды и раз за разом выносили решения в интересах предпринимателей против профсоюзов, в интересах кредиторов против должников и т. п.

Тем самым можно утверждать, что один и тот же один из центральных либеральных принципов «минимального государства» реализовывался в зависимости от исторических периодов неодинаково. Если в годы правления первых президентов он теснейшим образом связывался с демократическим видением и противостоял классовым привилегиям, то со второй половины XIX в. этот концепт выражал уже противоположные задачи, работая на углубляющиеся классовые преимущества.

Приводимые факты убеждают в том, что смена политической ориентации может стимулироваться не столько общественными, сколько классовыми причинами. Закономерно, что лидеры предпринимательства стремились заручиться политической поддержкой, и подобная тенденция касалась отнюдь не только США и со временем только усиливалась.

Один из видных представителей современного неомарксизма И. Валлерстайн доказывает усиливающуюся гибкость капитализма посредством использования политических рычагов [10, с. 17]. Он совершенно убежден в том факте, что грандиозные успехи предпринимателей-буржуа не могли состояться без целенаправленных мер государства, причем в разноплановом значении.

Во-первых, утверждается и закрепляется защита прав собственности и тем самым создается юридическая база для накопления капитала. Данная функция касается не только полицейских задач защиты от грабителей. Весьма щекотливую проблему составляет конфискация, которой обычно угрожают предпринимателям государственные структуры. По мысли И. Валлерстайна, конфискации оставались распространенным барьером для субъектов, увлекающихся безграничным накоплением богатств. В доиндустриальную эпоху таких случаев было немало. Например, ликвидация французским монархом Филиппом IV Красивым ордена храмовников (тамплиеров), владевшего очень значительными богатствами, которые пополнили оскудеваю-

щую государственную казну. Однако в современную эпоху конфискации обычно приобретают нелегитимный характер в силу не только установления права собственности, но также посредством утверждения «верховенства закона».

Во-вторых, механизм налогообложения, представляющий собой своеобразную покупку государственных услуг. Объемы налогов с течением времени только возрастают, но этот факт отражает и то, что государственные услуги также расширяются. Однако высокие налоговые ставки в конечном итоге выгодны крупному бизнесу, поскольку большая часть финансовых средств возвращается к ним. Нельзя забывать, что налогообложение есть способ перераспределения добавленной стоимости от мелких фирм и трудящихся к крупным капиталистам. Весьма существенным моментом здесь выступают государственные субсидии, предоставление которых происходит не только в открытой финансовой форме. Это также создание инфраструктуры, т. е. объектов общего пользования с целью ведения предпринимательской деятельности. Однако затраты на создание подобной инфраструктуры главным образом ложатся на всех налогоплательщиков, включая даже тех, кто не особенно заинтересован в открывающихся возможностях и не собираются их использовать. Кроме того, всему обществу приходится расплачиваться за экологические последствия индустриальной деятельности. Так, зачастую хозяева загрязняющих водоемы предприятий не платят за очистные сооружения. Естественно, как заключает названный исследователь, такое «непринятие соответствующих мер по отношению к предпринимателю, предоставление ему возможности скрыть подлинные издержки само по себе есть большая субсидия» [11, с. 90].

В-третьих, немаловажная государственная функция заключается в поддержании внутреннего порядка, что означает прежде всего предотвращение выступлений социальных аутсайдеров или трудящихся групп. Обычно такая проблема решается «сочетанием силы, обмана и уступок». Если центральная власть предпочитает использовать больше обман и уступки, то подобное государство можно назвать либеральным. В то же время, как продемонстрировали многие события того времени, связанные со вспышками левого радикализма, даже декламирующие либерализм государственные круги не колеблясь применяли силу и зачастую в крайних масштабах (Парижская коммуна). В контексте внутривластных угроз круги буржуазии и консервативной аристократии быстро находили «общий язык». Более того, вызов со стороны нижестоящих групп давал повод к соглашениям на международном официальном уровне, каковым следует считать образование Священного союза в 1815 г.

К. Маркс и его многочисленные последователи при всем своем критическом настрое все же признают за капиталистическим способом производства прогрессивную стадию социальной эволюции. Не совсем так обстоит с мыслителями, которые скептически относятся к эволюционным принципам, считая необходимым сохранение ценностного ядра. Современный представитель философии «новых правых» Ален де Бенуа видит в обществе, где буржуазия до того бывшая ничем, а теперь стала всем, торжество посредственности, мещанства и пошлости. Для него куда более желательным является восстановление функций традиционных групп – аристократии и народа и одновременное возвращение на место класса посредников – буржуазии [12, с. 81]. В этом случае вернется к жизни модель органичного общества, что отразится и на государственных структурах, которые избавятся от влияния буржуазии и вновь будут ориентированы на национальные интересы.

Как представляется, долей истины обладают оба подхода. Марксизм акцентирует внимание на объективных политэкономических процессах, тогда как А. де Бенуа рассматривает буржуазию более как некую ментальность. Нам представляется, что достижения индустриального общества не следует отвергать. Именно оно сумело добиться максимального решения материальных проблем, чему не в последнюю очередь поспособствовала индивидуальная предпринимательская инициатива, поддержанная государством. Однако активность новоявленных капитанов индустрии отнюдь не всегда следовала руслу общественного блага, нередко действуя прямо против него. Это объясняется в том числе и тем, что культурные аспекты капитализма эпохи первоначального накопления имели заметно больший рациональный, нежели моральный уклон. Можно предположить, что второй детерминировался первым, чему во многом способствовал тот факт, что государственная власть поддерживала сильную сторону – крупных предпринимателей или в лучшем случае оставалась пассивной. Недостаточным сдерживающим обстоятельством выступала правовая система, находившаяся в то время в стадии доработки, зачастую не поспевающая за меняющейся обстановкой.

Успешные бизнесмены периода первоначального накопления в целом заслужили негативный эпитет – «бароны-разбойники» (Э. Хобсбаум, Д. Роткопф). Показательно, что такая характеристика более относится к американским капиталистам, поскольку в США политическая система формировалась «с чистого листа», испытывая значительно меньшее влияние политических традиций, как в Европе. В этой молодой стране «возможности для мощного и беспрецедентного обогащения были практически неограниченными». Д. Рокфеллер, Э. Карнеги, К. Вандербильт, Дж.П. Морган и др., по сути дела, являлись «спекулянтами, готовыми двигаться в направлении

больших денег везде, где они были» [13, с. 206]. Группировка калифорнийских миллионеров (П. Хантингтон, Ч. Крокер, Л. Стэнфорд, М. Хопкинс), получив заказ на строительство Центральной Тихоокеанской дороги, взвинтила цену выше фактической в три раза. Другие миллионеры и вовсе могли промышлять рэкетом – «подобно Фиску и Гулду могли загребать миллионы с помощью манипулирования контрактом и грабежом, фактически не организовав выпуск хотя бы одного спального вагона и не отправив ни одного локомотива» [14, с. 205].

Закономерно, что в подобных условиях наиболее незащищенными оказывались вновь нарождающиеся группы промышленных рабочих. Значительной помощи им было ждать неоткуда, так как государство в целом благоволило буржуазным хищникам. Последние располагали внушительными и разнообразными средствами для подавления потенциально возможных выступлений «снизу». Причем тут задействовался арсенал политических и экономических средств – от государственных до частных структур подавления. Отчаянные усилия Роберта Оуэна в первой половине XIX в., направленные на изменение отношения между хозяевами и рабочими, достижение между ними большего взаимопонимания, так и не встретили совершенно никакого сочувствия ни в государственной, ни в предпринимательской среде, оставшись специфическим порывом его благородной натуры.

Неслучайно, что социальные антагонизмы между рабочими и работодателями (классовая борьба в терминах марксизма) только нарастали. Однако два наиболее масштабных выступления рабочих масс – революции 1848 г. и Парижская коммуна 1871 г. с абсолютной наглядностью показали, чью сторону примет официальное правительство. В 1871 г. респектабельные группы жестоко и неумолимо отомстили восставшим рабочим, на два месяца создавшим собственное правительство в отдельно взятом городе. Как отмечает Э. Хобсбаум, «с этих пор пролитые реки крови встали между рабочим классом Парижа и знатью. И с этих же пор революционеры уже точно знали, что будет ожидать их в случае, если они не смогут удержать власть» [15, с. 237].

В ходе рассмотрения взаимодействия государства и предпринимательства в период первоначального накопления капитала целесообразно отметить следующее.

Фактически с самого начала государство задавало ориентацию на поддержку буржуазии. Однако долгое время эта поддержка не была классово обусловлена. Напротив, ряд масштабных мероприятий монархического государства, направленных на экономическое и политическое развитие, работал на общественный интерес, будучи в русле формирования адекватных ответов на вызовы эпохи. Так, на рубеже позднего Средневековья и Нового времени жизненной необходимостью являлось создание обученной армии, оснащенной огнестрельным оружием. Подобное могло быть по силам только сильной государственной власти, опирающейся на соответствующий экономический базис.

Однако впоследствии эволюция буржуазии как социальной группы довольно быстро приводит к образованию «класса для себя» с четко определенными интересами и групповой идеологией. Подобная консолидация позволяет представителям капитализма претендовать на политическую власть, итогом чего стало образование в эпоху первоначального накопления буржуазного государства, опирающегося в основном на республиканские институты. Классовый характер политических структур заключается в создании принципов формирования этих институтов, когда их кадровое наполнение осуществляется в основном представителями соответствующей группы; а также в утверждении механизмов принятия политических решений, выгодных правящему классу, т. е. буржуазии. Закономерно, что ориентиры буржуазного государства были направлены на всяческое содействие капиталистическому развитию, а уже формы его участия во многом определялись буржуазными лидерами. По сути капиталистическая экономика служила главной целью, в то время как обострения социального вопроса воспринимались в качестве неизбежных издержек. Подобное видение впоследствии привело к масштабному кризису всей капиталистической системы, что проявилось уже на следующих исторических этапах.

Тем самым на основании этого мы считаем себя вправе уточнить исторические рамки марксистского понятия классового государства. С нашей точки зрения, не совсем точно применять его в отношении доиндустриального периода. Концепт «классовое государство» в полной мере оправдан для описания эпохи индустриального капитализма, когда более или менее сложились социальные классы с противоположными интересами и стремлениями, успешность реализации которых во многом определялась государственной позицией.

Ссылки:

1. Крауч К. Странная не-смерть неоллиберализма / пер. с англ. Д. Кралечкина. М., 2012. 276 с.
2. Тамбиянц Ю.Г., Шалин В.В. Сущность государства в эпоху глобализации: теория и практика // Общество: философия, история, культура. 2018. № 12. С. 13–18. <https://doi.org/10.24158/fik.2018.12.1>.

3. Гринин Л.Е. Государство и исторический процесс. Политический срез исторического процесса. 2-е изд., испр. и доп. М., 2009. 264 с.
4. Зомбарт В. Буржуа. Этюды по истории духовного развития современного экономического человека : пер. с нем. М., 2004. 624 с.
5. Пенской В.В. Великая огнестрельная революция. М., 2010. 448 с.
6. Гринин Л.Е. Государство и исторический процесс. Эволюция государственности: от раннего государства к зрелому. М., 2007. 368 с.
7. Хобсбаум Э. Век революции. Европа 1789–1848 / пер. с англ. Л.Д. Якуниной. Ростов н/Д., 1999. 480 с.
8. Шлезингер А.М. (мл.). Циклы американской истории : пер. с англ. М., 1992. 692 с.
9. Там же. С. 257.
10. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / пер. с англ. П.М. Кудюкина. СПб., 2001. 416 с.
11. Валлерстайн И. Конец знакомого мира. Социология XXI в. / пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. М., 2004. 353 с.
12. Бенуа А. де. Буржуа. Против либерализма: к Четвертой политической теории : пер. с фр. СПб., 2009. 476 с.
13. Хобсбаум Э. Век капитала. 1848–1975 / пер. В. Белоножко, Т. Горяйнова. Ростов н/Д., 1999. 480 с.
14. Роткопф Д. Суперкласс. Те, кто правит миром / пер. Е. Васильева, М. Колопотин. М., 2010. 475 с.
15. Хобсбаум Э. Век капитала. 1848–1975. С. 237.

References:

- Benoit, A de 2009, *Bourgeois. Against Liberalism: Towards the Fourth Political Theory*, St. Petersburg, 476 p., (in Russian).
- Crouch, K & Kralachkina, D (trans.) 2012, *Strange Non-death of Neoliberalism*, Moscow, 276 p., (in Russian).
- Grinin, LE 2007, *State and Historical Process. The Evolution of Statehood: from an Early State to a Mature One*, Moscow, 368 p., (in Russian).
- Grinin, LE 2009, *State and Historical Process. The Political Section of the Historical Process*, 2nd ed., Moscow, 264 p., (in Russian).
- Hobsbaum, E & Yakunin, LD (trans.) 1999, *Age of Revolution. Europe 1789–1848*, Rostov-on-Don, 480 p., (in Russian).
- Hobsbaum, E, Belonozhko, V & Goryainova, T (trans.) 1999, *Century of Capital. 1848–1975*, Rostov-on-Don, 480 p., (in Russian).
- Penskoj, VV 2010, *Great Gunshot Revolution*, Moscow, 448 p., (in Russian).
- Rothkopf, D, Vasilieva, E & Kolopotin, M (trans.) 2010, *Superclass. Those Who Rule the World*, Moscow, 475 p., (in Russian).
- Schlesinger, AM 1992, *Cycles of American History*, Moscow, 692 p., (in Russian).
- Sombart, W 2004, *Bourgeois. Studies on the History of the Spiritual Development of Modern Economic Man*, Moscow, 624 p., (in Russian).
- Tambiyants, YuG & Shalin, VV 2018, 'The Essence of the State in the Era of Globalization: Theory and Practice', *Obshchestvo: filosofija, istorija, kultura*, no. 12, pp. 13-18, <https://doi.org/10.24158/fik.2018.12.1>, (in Russian).
- Wallerstein, I & Inozemtseva, VL (trans.) 2004, *The End of the Familiar World. Sociology of the XXI Century*, Moscow, 353 p., (in Russian).
- Wallerstein, I & Kudukina, PM (trans.) 2001, *Analysis of World's Systems and the Situation in the Modern World*, St. Petersburg, 416 p., (in Russian).

Редактор: Тальчук Калерия Сергеевна
Переводчик: Ездина София Александровна